

ПРОГРАММА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

© М.А. Можейко

УО Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 12.09.22

В окончательном варианте: 15.09.22

■ Для цитирования: Можейко М.А. Программа трансдисциплинарного диалога в современной науке: парадигмальные основания // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 3. С. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.5>

Аннотация. В качестве парадигмальных оснований программы трансдисциплинарного диалога в современной науке рассматриваются формирование детерминизма нового типа, переход от аналитик бытия к аналитикам становления, отказ от жесткой номотетики и традиционного толкования субъект-объектной оппозиции. Рассмотрены тенденции преодоления междисциплинарных границ в современной науке, приводящие к сближению естественных и гуманитарных наук, в том числе — к адаптации естествознанием ряда методологических установок гуманитаристики.

Ключевые слова: нелинейность; недетерминизм; переоткрытие времени; отказ от номотетики; трансдисциплинарный диалог.

PROGRAM OF TRANSDISCIPLINARY DIALOGUE IN MODERN SCIENCE: PARADIGM FOUNDATIONS

© М.А. Mojeiko

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

Original article submitted: 12.09.22

Revision submitted: 15.09.22

■ For citation: Mojeiko M.A. Program of transdisciplinary dialogue in modern science: paradigm foundations. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(3):55–66. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.5>

Abstract. The paradigmatic foundations of the program of transdisciplinary dialogue in modern science have been considered: such as — the formation of a new type of determinism, the transition from the analyst of being to the analyst of formation, the rejection of rigid nomothetics and the traditional interpretation of the subject-object opposition. The tendencies of overcoming interdisciplinary boundaries in modern science are have been analyzed, leading to the convergence of the natural and human sciences, including the adaptation of a number of methodological principles of the humanities by natural science.

Keywords: nonlinearity; neodeterminism; rediscovery of time; rejection of nomothetics; transdisciplinary dialogue.

Формирование синергетического подхода в современной науке привело к серьезным парадигмальным изменениям как в естественнонаучном, так и в гуманитарном научном познании, которые выступили факторами все более активного развития трансдисциплинарности современных научных исследований. Можно выделить четыре основные тенденции этих изменений.

1. В отличие от парадигмы линейного детерминизма, характерной для предшествующей стадии развития науки, синергетический подход к объекту оформляет парадигму детерминизма нелинейного типа, которая опирается на следующие презумпции: а) процесс развития мыслится не в качестве преемственно последовательного перехода от одной стадии развития системы к другой, а как непредсказуемая смена состояний, каждое из которых не является ни следствием по отношению к предшествующему, ни причиной по отношению к последующему состояниям; б) нелинейная динамика не позволяет интерпретировать то или иное состояние системы как результат прогресса или регресса ее исходного состояния, что означает отказ от идеи филиации и невозможность трактовки процесса в качестве эволюционного; в) нелинейный тип детерминизма не предполагает фиксации внешнего по отношению к рассматриваемой системе объекта в качестве причины ее трансформаций, что означает отказ от идеи принудительной каузальности и интерпретацию трансформационного процесса как самоорганизационного; г) претерпевающий трансформацию объект рассматривается как открытая система, — в противоположность выделяемым линейным детерминизмом изолированным причинно-следственным цепочкам; д) фактор случайности, мыслимый в рамках линейного детерминизма в качестве внешней по отношению к рассматриваемому процессу помехи, которой можно пренебречь без когнитивных потерь, переосмысливается и обретает статус фундаментального в механизме детерминации нелинейного типа; е) нелинейность процесса исключает возможность однозначного прогноза относительно будущих состояний системы. Это позволяет говорить о формировании неадетерминизма, принципиально отличающегося от традиционного восприятия детерминационной связи, но не выходящего при этом за рамки детерминистской парадигмы.

2. На основе синергетического подхода в науке осуществлена радикальная переориентация от так называемых аналитик бытия к аналитикам становления, т. е. переоткрытие времени (и в данном случае философия продолжает не столько традицию художественного модернизма, сколько традицию неклассической философии и, в частности, — М. Хайдеггера). Данный парадигмальный сдвиг в науке предполагает следующие аспекты:

а) аспект необратимости времени, понятый в качестве фундаментального атрибута процессуальности;

б) аспект зависимости избираемого системой способа самоорганизации от прежних бифуркационных выборов;

в) аспект трактовки детерминированности наличного состояния системы со стороны прошлых его состояний не в качестве линейной зависимости (традиционно выражаемой формулой $T_{n-1} \rightarrow T_n \rightarrow T_{n+1}$), но в качестве своего рода памяти процесса, несущего в себе информацию о специфике реализации предшествующих этапов эволюции (т. е. при абсолютно одинаковом предшествующем состоянии T_n для двух сложных систем их состояния T_{n+1} могут

быть диаметрально противоположными в силу того или иного «выбора» ими различных ветвей эволюционного пути на этапах T_n -х и T_n -у соответственно);

г) акцентировка внимания на феномене становления находит свое продолжение в формировании установки на интегрально-синтетическое видение мира, предполагающее отказ от противопоставления таких ракурсов его рассмотрения, как функционирование и развитие: не только от бытия к становлению, но и от их разрыва к их синтезу.

3. Развитие в науке синергетического подхода приводит к формированию отказа от жесткой номотетики как в естественнонаучной, так и в гуманитарной областях и к актуализации значимости единичного и уникального события. В категориальном аппарате современной науки особое место занимает понятие события, фиксирующее уникальность феномена, не могущую быть схваченной в интегральной формулировке общего закона. Метод идиографизма не просто выдвигается современной наукой на передний план, но и претендует на статус универсальной методологии, — наряду с сохраняющим значение номотетизмом. В силу этого традиционно основанная на дихотомии номотетического и идиографического методов оппозиция естественнонаучного и гуманитарного познания теряет свою жесткость, открывая горизонты возможностей для нового трансдисциплинарного диалога.

4. Важнейшим следствием развития синергетического подхода является то, что оно приводит к распаду субъект-объектной оппозиции и оформлению программы нового трансдисциплинарного диалога.

В современной науке как естествознание, так и гуманитаристика предполагают интеллектуальное движение вне жесткой бинарной оппозиции субъекта и объекта. Эта тенденция, по-разному проявляясь в естественнонаучной и в гуманитарной сферах, тем не менее обнаруживает себя в качестве универсальной.

Становление неклассической науки и неклассической философии было ознаменовано в контексте европейской культуры интенцией на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта — как в контексте естественнонаучной когнитивной традиции (конституирование методологии Копенгагенской школы, основанной на радикальном отказе от идеи внеположенной позиции субъекта по отношению к приборной ситуации), так и в контексте традиции философской (кризис онтологии XX в., приведший к экзистенциализации онтологической проблематики). В фокус критики субъект-объектного типа рациональности попадает прежде всего то, что в его рамках человек либо теряет свои субъектные качества, выступая функционально в качестве объекта изучения, либо редуцирует их, выступая в качестве субъекта деятельности по преобразованию объекта. В этом смысле развитие классического типа рациональности оценивается философией неклассического типа как угроза человеческому в человеке (Франкфуртская школа, М. Хайдеггер, философия техники в своем антитехницистском векторе: Л. Мэмфорд, Ф. Рапп, Х. Шельски и др.).

Позиция синергетики по данному вопросу также лежит в русле развития обрисованной установки. Концептуальное движение в рамках жесткой субъект-объектной оппозиции привело (как этого и следовало ожидать, по мысли И. Пригожина) к тому, что в рамках классической науки универсум как внешний мир (понятый в качестве регулируемого механизма) и внутренний мир человека (понятый как история новаций) оказались разделены [18, с. 46–52].

Еще в середине XX в. А. Койре отмечал, что «если и есть нечто такое, за что ответственность может быть возложена на... всю современную науку, — раскол нашего мира на два чуждых мира» [39, р. 23].

Синергетическая парадигма, в противоположность этому, ставит своей целью концептуальное обоснование и исследование того, что И. Пригожин и И. Стенгерс обозначили как «сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как целому, и внутренних концептуальных проблем естествознания»: «...сегодня, когда физики пытаются конструктивно включить нестабильность в картину универсума, наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [19, с. 61–62, 48].

Исследование синергетикой феноменов самоорганизации макромолекул привело к обоснованию идеи предбиотической эволюции [29; 30], в силу чего, по образному выражению А. Баблюяц, «дарвиновскому “дереву” пришлось пустить корни в неживой мир элементов» [2, с. 244]. Аналогично возникновение социальности утрачивает свой статус конституирования мира, оппозиционного природному [18, с. 47]: с точки зрения синергетики, человек в своей сложности «больше не уникален в безмерности Вселенной», выступая «интегральной частью окружающей его среды» [2, с. 24]. Как было отмечено С.П. Курдюмовым, «признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания... заставляет... по-новому оценить положение человека в космосе» [14, с. 53].

Исходя из этого, синергетика выдвигает программу «нового синтеза», провозглашающую своей целью снятие противоречия не только между гуманитарным и естественнонаучным познанием, но и между «двумя культурами», на которые оказалась расколота классическая западная традиция [19, с. 150]. По оценке О. Тоффлера, «перед нами дерзновенная попытка собрать воедино то, что было разъято на части» [22, с. 26].

В гносеологическом плане это знаменует собой финал традиции понимания объекта как внеположенного субъекту: как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «наша физика предполагает, что наблюдатель находится внутри наблюдаемого им мира. Наш диалог с природой успешен... если он ведется внутри природы» [19, с. 280–281].

Практически это означает радикально новую постановку вопроса о сущности, механизмах и пределах воздействия человека на природу. Как пишет И. Пригожин, «если... природе... присуща нестабильность, то человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему его миру, — хотя бы из-за неспособности однозначно предсказывать то, что произойдет в будущем», в силу чего «следует... распротиться с представлением, будто этот мир — наш безропотный слуга. Мы должны с уважением относиться к нему. Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов» [18, с. 47, 51]. По оценке Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, «управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем» [12, с. 20]. Это позволяет сделать вывод о том, что в контексте синергетической исследовательской парадигмы традиционная для классического типа рациональности оппозиция субъекта и объекта сменяется их суперпозицией.

С точки зрения перспектив трансдисциплинарного синтеза, благодаря синергетике в современной науке «возникает новая, более последовательная концепция науки и природы. Эта новая концепция прокладывает путь новому объединению знания и культуры» [19, с. 72]. И. Пригожин эксплицитно фиксирует то обстоятельство, что «новые идеи, развитые в области термодинамики неравновесных процессов, уменьшили разрыв между дисциплинами, которые традиционно рассматривались как “простые”, и такими науками, как биология и социология, всегда считавшимися сложными» [17, с. 8]. По оценке Г. Хакена, синергетикой заложены концептуальные основания преодоления водораздела, который традиционно разделял естествознание и гуманитаристику: «...можно надеяться, что синергетика внесет свой вклад в дело взаимопонимания и дальнейшего развития кажущихся совершенно различными наук. Уже сейчас ясно, что, образно выражаясь, мы пробиваем туннель с двух сторон горы, которая до сих пор разделяла различные области исследования, в особенности, “точные” и “неточные” науки» [28, с. 381]. Таким образом, по мысли И. Пригожина, если «прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по преимуществу нарративные науки — с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, — с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [18, с. 51].

Следует отметить, что гуманитарная сфера отчетливо демонстрирует встречные интеграционные тенденции. В контексте постмодернистской философской парадигмы разрушение классической субъект-объектной оппозиции, определявшей предметность и специфику философии как концептуальной системы, фундировано исходным постмодернистским отказом от самой идеи семантико-структурных оппозиций. Именно на радикальной критике бинаризма основан номадологический проект постмодернизма; Ж. Деррида предлагает интерпретацию *хоры* как феномена снятия «колебательных операций» бинаризма [10, с. 124]. Речь не идет, однако, о простой негации в отношении мыслительных гештальтов, основанных на идее бинаризма, но о содержательном преодолении бинаристской парадигмальной фигуры как таковой. Как пишет Ж. Деррида, стратегия деконструкции должна «пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики и вместе с тем — ... согласия с ними», — необходимо то, что Ж. Деррида называет «двойкий жест» [9, с. 71–72]. Как отмечает А. Истхоуп, «дерридианская деконструкция... состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а... в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения» [35, р. 187–188].

Классическим примером постмодернистского снятия традиционной для классической культуры бинарной оппозиции (оппозиции *мужское — женское*) является концепция соблазна Ж. Бодрийяра, моделирующая «вселенную, в которой женское начало не противопоставляется мужскому, но соблазняет его. Находясь в стихии соблазна, женственность не выступает... термином оппозиции» [7, с. 61]. Соблазн (*seduction*) принципиально отличается от желания как связанного с производством (*production*), т. е. несущим в системе отсчета Ж. Бодрийяра смысл линейности [7, с. 62–64]. В этом отношении Ж. Бодрийяр подвергает критике феминизм как не способный снять оппозицию мужского и женского, но лишь по-иному расставляющий внутри нее акценты доминирования: феминистки «не понимают, что соблазн означает господство

над символической вселенной, тогда как власть означает всего лишь господство над вселенной реальной» [7, с. 62]. Соблазнение — вне оппозиции, ибо представляет собой не что иное, как процессуальное размывание ее границ: «...в соблазнении нет ничего активного или пассивного, нет субъекта или объекта, нет внешнего или внутреннего: оно играет сразу на двух сторонах доски, при том, что не существует никакой разделяющей их границы» [7, с. 64].

В постмодернистской системе отсчета традиционные для европейской культуры бинарные оппозиции (*субъект — объект, Восток — Запад, мужское — женское* etc) перестают выполнять роль несущих осей, организующих мыслительное пространство. Типичной для постмодернизма является установка Р. Барта, задающая пространство текста как семиотическую тотальность, где субъект и объект изначально растворены друг в друге: «...сценическое пространство текста лишено рампы: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют» [5, с. 474].

Однако разрушение субъект-объектной оппозиции в контексте постмодернистского типа философствования далеко не исчерпывается ее распадом, — оно предполагает и утрату статуса возможности для всех компонентов этой оппозиции, т. е. фундаментальное расщепление определенности как объекта (предметности как таковой), так и субъекта (*Я*) в любых версиях его интерпретации.

Базовая для постмодернизма критика референциальной концепции знака приводит к тому, что понятие *объект* в классическом его понимании в принципе не может быть конституировано в контексте постмодернистского типа философствования. Любая попытка подобного рода может иметь своим результатом лишь симуляцию внезапного феномена — то, что П. ван ден Хевель обозначил как «украденный объект» [38, р. 261].

Выступая одним из двух полюсов амбивалентного процесса распада субъект-объектной оппозиции, разрушение объекта не может не предполагать и историческую исчерпанность концепта *субъект* (презумпция *смерти субъекта*). В рамках постмодернистской философии феномен субъекта артикулируется в качестве проблематичного: Ю. Кристева полагает допустимым говорить лишь о «проблематичном процессуальном субъекте языка» [13, с. 265]; М. Фуко подвергает проблематизации само соответствующее проблемного поля («вопрос об истинности субъекта» и «вопрос о структуре истинности субъекта» [23, с. 307]). Очерчивая границы постмодернистского типа философствования, М. Фуко в качестве одного из важнейших признаков постмодернизма выделяет финальное «крушение философской субъективности» [25, с. 123].

Для постмодернизма характерна радикальная децентрация индивидуального (равно как и любых форм коллективного) *Я*¹. Оперативные правила эпистемы, выступая регулятором по отношению к активности сознания, но не осознаваемые последним рефлексивно, выступают фактором децентрации и деперсонализации субъекта. С точки зрения постмодернизма, само

¹ В этом плане постмодернистская парадигма радикально отлична от модернистской с ее пафосом личного начала: от экспрессионистской программы выражения в произведении внутреннего состояния автора — до эстетики ультра-ячества [21, с. 237–238]. По оценке А. Турена, если модернизм провозглашал идею ценности *Я*, то постмодернизм — идею его расщепления [40, р. 116].

использование термина *субъект* — лишь дань классической философии. Аналогично и феномен *Я* оценивается постмодернизмом как культурно артикулированный, связанный с определенной традицией и потому исторически переходящий. Согласно М. Фуко, «лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека. И это не было избавлением от давнего непокойства, переходом от тысячелетней заботы к ослепительной ясности... — это просто было следствием изменений основных установок знания... Если эти установки исчезнут так же, как они возникли... — человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [26, с. 398]. В итоге в обозначенных М. Фуко рамках так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта» [27, с. 45].

Критика концепции субъекта становится фундаментом для презумпции *смерти человека*, высказанной М. Фуко и специфицированной Р. Бартом как презумпция *смерти Автора* [4]. В рамках тенденции деперсонификации текста оформляется и более радикальная версия *смерти субъекта*, а именно — парадигматическая фигура *смерти героя* (А. Роб-Грийе [20], К. Брук-Роуз [32]), т. е. центрального персонажа, фокусировавшего на себе семантическое пространство наррации.

Однако перенося акцент с фигуры Автора на фигуру Читателя, философия постмодернизма отнюдь не конституирует последнего в качестве автономного субъекта классического типа. По Р. Барту, фигура читателя может быть рассмотрена в качестве «личного адреса» ничуть не более, нежели фигура Автора, ибо «читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [4, с. 390]. Собственно, по видению Ж. Деррида, «интерпретирующее Я» само по себе есть не что иное, нежели текст, сотканный из культурных универсалий и дискурсивных матриц, культурных кодов и интерпретационных конвенций [34]. Подобно автору, читатель растворяется в процессуальности собственных дискурсивных практик, обусловленных внешними и не автохтонными по отношению к субъекту правилами: по выражению М. Грессе, читатель уловлен «сетью культуры», т. е. той системой фундаментальных конвенций, которые диктуются данной культурной традицией [36, р. 7]. Иными словами, читатель, как и автор, оказывается, по оценке Ж.Ф. Харари, даже не «гостем», но «порождением текста» [37, р. 40].

Если философский модернизм в лице Ф. Ницше оценивал *Я* в качестве *rendez-vous опытов*, то для постмодернизма, напротив, характерен тезис о непреодолимом разрыве опыта как такового, с одной стороны, и носителя дискурса, в котором этот опыт может быть выражен, — с другой: как говорит Ф. Гваттари, «я не верю в существование субъективности без продуктивности рассказа-текста» [8, с. 23]. Р. Барт во «Фрагментах любовного дискурса» показывает, что опыт, который декларируется в качестве имманентного, на деле выступает принципиально спекулятивным: «...я безумен для того, чтобы пребывать в любви, но я отнюдь не безумен для того, чтобы сказать об этом, я раздваиваю свой образ» [31, р. 121]. По Ф. Джеймисону, чувственная сфера в целом перестает быть центрированной и персонифицированной субъектом: «...не существует более Я, чтобы чувствовать. <...> Чувства... имперсональны» [11, с. 129]. Таким образом, постмодернизм приходит к признанию того, что, по словам М. Бланшо, «никогда

“я” не было субъектом опыта», а уж трансгрессивный опыт тем более оценивается им, как «то, чего ни одно существующее не может достигнуть в первом лице» [6, с. 35–36].

Таким образом, Я, по Р. Барту, «более не является местом, где восстанавливается человеческая личность в непорочной цельности... накопленного опыта» [3, с. 87].

Как гносеологически, так и социально ориентированные методологии, предлагаемые постмодернизмом, фундированы идеей отказа от самого концепта *субъект*. Так, например, в генеалогии М. Фуко когнитивная программа в качестве условия своей реализации предполагает «принесение в жертву субъекта познания» [24, с. 95]. Что же касается так называемых социальных ролей, предполагающих определенность их субъекта-исполнителя, то, по оценке М. Фуко, эти версии самоидентификации (как правило, вербально артикулированные и не выходящие за границы нарративных практик) есть не что иное, как маски, наличие которых отнюдь не гарантирует наличия скрытого за ними Я, претендующего на статус идентичности [24, с. 94]. Следует, наконец, упомянуть развитую философией постмодернизма идею «смерти сверхчеловека» (Ж. Делез) и идею «смерти Бога» (предложенная П. ван Буреном программа «реинтерпретации Бога», фактически основанная на идее деконструкции библейских текстов) как окончательный финал презумпции конституированной субъективности.

Таким образом, постмодернистская презумпция *смерти субъекта* означает прежде всего гибель традиционного (стабильного, однозначно центрированного и линейно детерминированного со стороны общего социального порядка) субъекта дюркгеймовского типа¹.

Сравнивая синергетическую и постмодернистскую парадигмы в отношении интерпретации в их контексте субъект-объектной оппозиции, можно констатировать во многом изоморфные парадигмальные ситуации:

- как естественнонаучная, так и гуманитарная версии концепции нелинейных динамик предполагают интеллектуальное движение вне жесткой бинарной оппозиции субъекта и объекта; разница при этом заключается в том, что если для синергетики характерен непосредственно отказ от противопоставления субъекта и объекта при сохранении определенности субъектного и объектного элементов распавшейся оппозиции, то постмодернистская версия отказа от противопоставления субъекта и объекта друг другу более радикальна, ибо предполагает также и расщепление последних;
- как синергетический, так и постмодернистский типы мышления основаны на отказе от понимания объекта как внеположенного субъекту и ориентированы на трактовку субъекта в качестве неотъемлемого компонента среды (соответственно — природной или текстуально-культурной), которая не может быть рассмотрена в качестве внешней по отношению к растворенному в ее процессуальности субъекту;
- отказ от идеи внеположенности объекта в отношении субъекта, презумпция его имманентной для субъекта значимости инспирируют в современ-

¹ Сегодня постмодернизм формулирует новую стратегию воскрешения субъекта, которая программно опирается на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивным практикам [см. подробнее: 16, с. 185–186].

ной культуре поворот от праксеологически ориентированного активизма к закладке аксиологических оснований культуры нового (диалогического) типа, фундированной идеалом глобальной цивилизации как основанной на антропо-природной гармонии и этнокультурном полицентризме.

Таким образом, отказ постмодернизма от жесткой оппозиции естествознания и гуманитаристики оказывается весьма созвучным тем выводам, которые делаются относительно способа организации знания синергетикой, — современный тип рациональности как таковой основан на отказе от понимания объекта как внеположенного субъекту и ориентирован на трактовку субъекта в качестве неотъемлемого компонента среды (соответственно — природной или культурной), которая не может быть рассмотрена в качестве внешней по отношению к растворенному в ее процессуальности субъекту.

Если в рамках классического типа жесткое противопоставление субъекта объекту приводило к предметно и методологически фундированному дуализму естествознания и гуманитаристики, чему соответствовал и раскол культурной среды на *две культуры* — техническую и духовную, то распад субъект-объектной оппозиции лишает традиционную дихотомию естественных и гуманитарных наук ее предметного критерия (в то время как констатация нарративной природы знания лишает ее и внутринаучного основания). В подобном контексте дильтеевская дифференциация «наук о природе» и «наук о духе» оказывается в принципе невозможной. По оценке Ж.-Ф. Лиотара, «под вопрос... ставятся классические линии демаркации между различными сферами науки: дисциплины исчезают, происходит взаимопроникновение наук на их границах» [15, с. 152–153]. Даже внутри предметного поля философского знания невозможна дифференциация традиционно выделяемых областей онтологии и философии сознания, философии истории и философии культуры: применительно к современной философии К.-О. Апель констатирует снятие «принципиального различия между классической онтологией и новоевропейской философией сознания» [1, с. 219].

Выводы об интенции современной культуры к трансдисциплинарному диалогу практически изоморфны в синергетической и в постмодернистской версиях концепции нелинейных динамик. Как синергетика, возникающая, по оценке Г. Хакена, «на стыке различных наук» [28, с. 381], так и постмодернизм, оформляющийся, по выражению Ж. Деррида, «на границах философии» [33], несут в себе как ценностную установку на интеграцию, так и содержательно-методологический интегрирующий потенциал.

Фактически это ориентирует на активное трансдисциплинарное взаимодействие, открывая широкие возможности для плодотворного диалога между естественнонаучной и гуманитарной областями знания.

Список литературы

1. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка. От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / под ред. А.А. Михайлова. Минск: Менск, 1997. С. 202–220.
2. Баблюянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. Москва: Мир, 1990. 374 с.
3. Барт Р. «Писать» — непереходный глагол? // *Arbor Mundi / Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры.* 1993. № II. С. 83–91.

4. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 384–391.
5. Барт Р. Удовольствие от текста. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 462–518.
6. Бланшо М. Опыт-предел. Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / под ред. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург: МИФРИЛ, 1994. С. 63–77.
7. Бодрийяр Ж. Фрагменты из книги «О соблазне» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 59–66.
8. Гваттари Ф. Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер. Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus. Сборник статей. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998. С. 21–28.
9. Деррида Ж. Позиции. Киев: Л.Д., 1996. 192 с.
10. Деррида Ж. Хора. Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97 / под ред. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 122–170.
11. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма. Философия эпохи постмодерна / под ред. А. Усмановой. Минск: Красико-принт, 1996. С. 118–137.
12. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
13. Кристева Ю. От одной идентичности к другой. От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога / под ред. А.А. Михайлова. Минск: Менск, 1997. С. 256–273.
14. Курдюмов С.П. Интервью с С.П. Курдюмовым // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 53–57.
15. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании. Философия эпохи постмодерна / под ред. А. Усмановой. Минск: Красико-принт, 1996. С. 140–158.
16. Можейко М.А. Воскрешение субъекта. Всемирная энциклопедия. Философия / под ред. А.А. Грицанова. Москва: АСТ, Мн: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 185–186.
17. Пригожин И. Предисловие редактора английского издания. Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. Москва: Мир, 1990. С. 7–9.
18. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986. 431 с.
20. Роб-Грийе А. О нескольких устаревших понятиях. Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / под ред. Л.Г. Андреева. Москва: Прогресс, 1986. С. 112–119.
21. Де Торре Г. Ультраманифесты. Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / под ред. Л.Г. Андреева. Москва: Прогресс, 1986. С. 237–243.
22. Тоффлер О. Наука и изменение. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986. С. 11–33.
23. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1981–1982. Выдержки. Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла / под ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. Москва: Прогресс, 1991. С. 284–311.
24. Фуко М. Ницше, генеалогия, история. Философия эпохи постмодерна / под ред. А. Усмановой. Минск: Красико-принт, 1996. С. 78–97.
25. Фуко М. О трансгрессии. Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / под ред. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург: МИФРИЛ, 1994. С. 111–131.
26. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Москва: Прогресс, 1977. 488 с.
27. Фуко М. Что такое автор? Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Касталь, 1996. С. 7–46.
28. Хакен Г. Синергетика. Москва: Мир, 1980. 404 с.
29. Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. Москва: Наука, 1979. 93 с.
30. Эйген М., Шустер П. Гиперцикл: Принципы самоорганизации макромолекул. Москва: Мир, 1982. 270 с.

31. Barthes R. *A Lover's Discourse. Fragments*. London: J. Cape; Third Berford Square, 1979. 234 p.
32. Brook-Rose Chr. *The dissolution of character in the novel*. Heller T.C., Sosna M., Wellbery D.E. *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought*. Stranford: Free Press, 1986. P. 184–196.
33. Derrida J. *Marges — de la philosiphie*. Paris: Les Editious de Minuit, 1972. 396 p.
34. Derrida J. *Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs*. Evanston: EHS Press, 1973. 264 p.
35. Easthope F. *British post-structuralism since 1968*. London: Thousand Oaks, 1988. 255 p.
36. Gresset M. Introduction. *Intertextuality in Faulkner* / Ed. by M. Gresset, N. Folk. St. Albans, Jackson: Paladin, 1985. 217 p.
37. Harrari J.V. Introduction. *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism* / Ed. by J.V. Harrari. London: Athlone, 1980. 475 p.
38. van den Heuvel P. *Parole, mot, silence: Pour une poétique de l'énonciation*. Paris: Gallimard, 1986. 319 p.
39. Koyre A. *Newtonian Studies*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968. 321 p.
40. Touraine A. *Critique de la modernite*. Paris: PUF, 1992. 272 p.

References

1. Apel' K-O. *Transtsendental'no-germenevticheskoe ponyatie yazyka*. Mikhailov AA, editor. *Ot Ya k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intersubektivnosti, kommunikatsii, dialoga*. Minsk: Mensk, 1997. P. 202–220. (In Russ.)
2. Babloyants A. *Molekuly, dinamika i zhizn'. Vvedenie v samoorganizatsiyu materii*. Moscow: Mir, 1990. 374 p. (In Russ.)
3. Bart R. «Pisat'» — neperekhodnyi glagol? *Arbor Mundi / Mirovoe drevo. Mezhdunarodnyi zhurnal po teorii i istorii mirovoi kul'tury*. 1993;(II):83–91. (In Russ.)
4. Bart R. *Smert' avtora. Izbrannye raboty. Semiotika. Poehtika*. Moscow: Progress, 1989. P. 384–391. (In Russ.)
5. Bart R. *Udovol'stvie ot teksta. Izbrannye raboty. Semiotika. Poehtika*. Moscow: Progress, 1989. P. 462–518. (In Russ.)
6. Blansho M. *Opyt-predel*. Fokin SL, editor. *Tanatografiya Ehrosa. Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' sere diny XX veka*. Saint Petersburg: MIFRIL, 1994. P. 63–77. (In Russ.)
7. Baudrillard J. *Fragmenty iz knigi «O soblazne»*. *Russian Studies in Literature*. 1994;(1):59–66. (In Russ.)
8. Guattari P-F. *Transfer ili to, chto ot nego ostalos', ili Analitik zhivet v postoyannom strakhe*. Feliks Gvattari v besede s Brakhoi Likhtenberg Ehttinger. *Kabinet: kartiny mira. Psikhogenez/Tekhnogenez: kolleksiya perversus. Sbornik statei*. Saint Petersburg: INAPRESS, 1998. P. 21–28. (In Russ.)
9. Derrida J. *Pozitsii*. Kyiv: L.D., 1996. 192 p. (In Russ.)
10. Derrida J. *Khora. Shmatko NA, editor. Sotsio-Logos postmodernizma. S/L'97*. Moscow: Institut ehksperimental'noi sotsiologii, 1996. P. 122–170. (In Russ.)
11. Jameson F. *Postmodernizm, ili Logika kul'tury pozdnego kapitalizma*. Usmanova A, editor. *Filosofiya ehpokhi postmoderna*. Minsk: Krasiko-print, 1996. P. 118–137. (In Russ.)
12. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I Prigozhinym. Voprosy filosofii*. 1992;(12):3–20. (In Russ.)
13. Kristeva Yu. *Ot odnoi identichnosti k drugoi*. Mikhailova AA, editor. *Ot Ya k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intersubektivnosti, kommunikatsii, dialoga*. Minsk: Mensk, 1997. P. 256–273. (In Russ.)
14. Kurdyumov SP. *Interv'y u SP Kurdyumovym. Voprosy filosofii*. 1991;(6):53–57. (In Russ.)
15. Lyotard J-F. *Postmodernistskoe sostoyanie: doklad o znanii*. Usmanova A, editor. *Filosofiya ehpokhi postmoderna*. Minsk: Krasiko-print, 1996. P. 140–158. (In Russ.)
16. Mozheiko MA. *Voskreshenie subjekta*. Gritsanov AA, editor. *Vsemirnaya ehntsiklopediya. Filosofiya*. Moscow: AST, Mn: Kharvest, Sovremennyi literator, 2001. C. 185–186. (In Russ.)
17. Prigozhin I. *Predislovie redaktora angliiskogo izdaniya. Babloyants A. Molekuly, dinamika i zhizn'. Vvedenie v samoorganizatsiyu materii*. Moscow: Mir, 1990. P. 7–9. (In Russ.)

18. Prigozhin I. *Filosofiya nestabil'nosti. Voprosy filosofii*. 1991;(6):46–52. (In Russ.)
19. Prigozhin I, Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoj*. Moscow: Progress, 1986. 431 p. (In Russ.)
20. Rob-Griie A. O neskol'kikh ustarevshikh ponyatiyakh. Andreev LG, editor. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami. Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX veka*. Moscow: Progress, 1986. P. 112–119. (In Russ.)
21. De Torre G. Ul'tramanifesty. Andreev LG, editor. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami. Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX veka*. Moscow: Progress, 1986. P. 237–243. (In Russ.)
22. Toffler O. Nauka i izmenenie. Prigozhin I, Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoj*. Moscow: Progress, 1986. P. 11–33. (In Russ.)
23. Foucault P-M. Germenevtika subjekta. Kurs lektsii v Kollezhe de Frans, 1981–1982. Vyderzhki. Filippov AF, Vinokurov VV, editor. *Socio-Logos. Vol. 1. Society and spheres of meaning*. Moscow: Progress, 1991. P. 284–311. (In Russ.)
24. Foucault P-M. Nitsshe, genealogiya, istoriya. Usmanova A, editor. *Filosofiya ehpokhi postmoderna*. Minsk: Krasiko-print, 1996. P. 78–97. (In Russ.)
25. Foucault P-M. O transgressii. Fokin SL, editor. *Tanatografiya Ehrosa. Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka*. Saint Petersburg: MIFRIL, 1994. P. 111–131. (In Russ.)
26. Foucault P-M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Moscow: Progress, 1977. 488 p. (In Russ.)
27. Foucault P-M. Chto takoe avtor? *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*. Moscow: Kastal', 1996. P. 7–46. (In Russ.)
28. Haken H. *Sinergetika*. Moscow: Mir, 1980. 404 p. (In Russ.)
29. Eigen M, Winckler W. *Igra zhizni*. Moscow: Nauka, 1979. 93 p. (In Russ.)
30. Eigen M, Shuster P. *Gipertsikl: Printsipy samoorganizatsii makromolekul*. Moscow: Mir, 1982. 270 p. (In Russ.)
31. Barthes R. *A Lover's Discourse. Fragments*. London: J. Cape; Third Berford Square, 1979. 234 p.
32. Brook-Rose Chr. The dissolution of character in the novel. Heller TC, Sosna M, Wellbery DE. *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought*. Stranford: Free Press, 1986. P. 184–196.
33. Derrida J. *Marges — de la philosophie*. Paris: Les Editions de Minuit, 1972. 396 p. (In French)
34. Derrida J. *Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs*. Evanston: EHS Press, 1973. 264 p.
35. Easthope F. *British post-structuralism since 1968*. London: Thousand Oaks, 1988. 255 p.
36. Gresset M. Introduction. Gresset M, Folk N, editors *Intertextuality in Faulkner*. St. Albans, Jackson: Paladin, 1985. 217 p.
37. Harrari JV. Introduction. Harrari JV. *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. London: Athlone, 1980. 475 p.
38. van den Heuvel P. *Parole, mot, silence: Pour une poetique de l'nonciation*. Paris: Gallimard, 1986. 319 p. (In French)
39. Koyre A. *Newtonian Studies*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968. 321 p.
40. Touraine A. *Critique de la modernite*. Paris: PUF, 1992. 272 p. (In French)

Информация об авторе

Марина Александровна Можейко, доктор философских наук, профессор, профессор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by

Information about the author

Marina A. Mojeiko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk, Belarus. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by